

ПОЛИТКОРРЕКТНАЯ ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. М. Погорелко¹, Т. Н. Герасина²

¹ Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

² Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

Статья посвящена изучению процессов политической эвфемизации, получающих специфическое концептуальное оформление в рамках идеологии политкорректности. Политкорректность рассматривается с точки зрения ее способности придавать политическим эвфемизмам принципиально новое смысловое качество: помимо увеличения манипулятивного потенциала такие единицы становятся мощным инструментом когнитивного воздействия на коллективное сознание, выполняя функцию оформления новой социокультурной идентичности.

Ключевые слова: эвфемизмы, политический дискурс, политкорректность.

Современная лингвистика исходит из постулата о синхронном взаиморазвитии языка и культуры. В практической реализации этого положения скрываются многообещающие возможности анализа коэволюции языковых механизмов и явлений культурного порядка. Интересным примером такой синхронной эволюции является область политического дискурса.

Политический дискурс не просто обязан чутко реагировать на динамику коллективного концептуального климата в обществе. Он еще должен «играть на опережение», чтобы получить стратегический выигрыш от озвучивания пока не имеющих внятного содержательного оформления ожиданий потенциального избирателя, если, конечно, эти ожидания будут правильно угаданы. Это свойство политического дискурса создает ситуацию, когда языковая политическая повестка способна оказать направляющее воздействие на концептуально подготовленную аудиторию, создать модели понимания явления, для которого в коллективном сознании или еще нет общепринятой понятийно-оценочной формы, или такая форма неустойчива. Эти модели способны действовать как когнитивные «центры кристаллизации», задавая определенную интерпретацию, понятийные рамки и ценностную структуру, инициируя таким образом эффекты воздействия языка на общественные процессы.

Одним из примеров динамики взаимообусловленности культурной концептосферы и политического дискурса могут служить эвфемизмы. Эвфемизация как языковое явление теснейшим образом соединено с социокультурной реальностью. Движущие силы семантических сдвигов и смены понятийных

областей эвфемизации порождаются факторами экстралингвистического порядка. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, «обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [4. С. 28].

Конечно, эволюция эвфемизмов в системе «язык — культура» выходит далеко за рамки политической коммуникации. Но тем интереснее становятся процессы, в результате которых исходная и традиционная функциональность эвфемизации приобретает особую форму в среде политического дискурса и в этом новом трансформированном виде демонстрирует способность к проявлению новых культурных свойств. Как известно, областью культуры, от которой ведет свое происхождение явление эвфемизации, является мифологическая сфера запретов и табу. Именно этот аспект семантики эвфемизмов рассматривается в знаковом для последующего изучения данной проблематики исследовании Б. А. Ларина. Эвфемизмы определяются им как «разрешенные и приличные наименования, по своей природе перифрастичные или образные, скрывающие свой предмет, которые отвлекают от его узнавания, якобы превращают средствами силы словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные» [6. С. 101—102].

Табуирующая функция эвфемизма исходно была естественным следствием магического мировосприятия, составляющего концептуальную основу мифологического сознания. В логике магического

мышления язык воспринимался не просто как средство общения, но наделялся мистической силой. Слово было не просто именем вещи, оно воплощало его природу, воспринималось как нематериальное, заключенное языком в знаковую оболочку отражение этой вещи. Люди были убеждены, что, произнося имя вещи или человека, говорящий тем самым устанавливал с называемым некую связь; а где есть связь, там есть и возможность воздействия, в том числе негативного. Называя слово или имя, необязательно в ходе магического ритуала, можно было таким образом вступать с его обозначаемым в какого-то рода мистический контакт. Преображенный мифологическим сознанием мир был населен множеством сущностей, с которыми подобный контакт устанавливать никак не следовало, соответственно, требовалось избегать множества прямых номинаций. «На замену запрещенных слов образуются новые («подставные») наименования, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу или страшного зверя, чтобы задобрить их» [6. С. 101]. Табуирующая функция эвфемизации, по-видимому, может претендовать на статус культурной универсалии, поскольку этап мифологического сознания, неизбежно предполагающий развертывание соответствующих алгоритмов магического мышления, характерен для ранних этапов эволюции любой человеческой культуры.

По мере ослабления мифологического сознания сакральные табу естественным образом уступают место табу нормативно-этикетным. Эвфемизмы становятся удобным способом обозначения того, что выходит за пределы охватываемых культурно-этикетными ритуалами областей человеческой жизни. Эвфемизация, таким образом, становится важным регулятором в стратегиях вежливости. Регулятивная функция эвфемизмов настолько выходит на передний план, что, как правило, именно так в работах исследователей формулируется главная коммуникативная цель этих единиц: «Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, — стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [5. С. 394].

Совершенно очевидно, что стратегия непрямого обозначения мысли в политической коммуникации связана с эвфемизацией разговорной и литературной речи и функционально, и генетически. Говоря о сферах социальной жизни, традиционно подверженных эвфемизации, Л. П. Крысин указывает

на то, что «коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без обиняков, намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть без всего того, для выражения чего как бы и предназначены эвфемизмы» [4. С. 35].

Безусловно, объединяющим лингвистическим свойством эвфемизмов в разговорной речи и политической коммуникации выступает их маскирующая семантическая способность. Эвфемизация в обоих случаях преследует цель, далекую от эквивалентной по денотативной точности синонимической замены, представляя собой «подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а *маскируют, вуалируют* суть явления» [5. С. 395]. Однако это вуалирование часто проявляется неодинаково как по способу семантической маскировки, так и по прагматическим параметрам функционирования изобретенных единиц. Так, весьма показательным свойством разговорных эвфемизмов является то обстоятельство, что процесс их порождения вполне способен протекать параллельно с процессом огрубления речи, проникновения в нее сниженной лексики.

В отличие от разговорной области эвфемизации эзопов язык политического дискурса предъясвляет к маскирующей способности не прямых номинаций куда более строгие требования. Разговорные эвфемизмы, как более вежливые, так и жаргонные, в измененную форму часто стремятся встроить намек на подлинную суть явления: *отойти в мир иной* и английское *to pass* вполне прозрачны в своей внутренней форме, *acid* и *кислота* достаточно узнаваемо обозначают ЛСД, по химической природе производную кислоты, и т. д. В то же время политическому эвфемизму намек категорически противопоставлен. Политический эвфемизм часто не столько вуалирует, сколько мимикрирует, стремится встроиться в существенно иную концептуальную модель. Без анализа экстралингвистического контекста истинное содержание многих квазисинонимических единиц политики нередко оказывается практически недешифруемым. Неопределенность политического эвфемизма, как отмечают исследователи, выступает как важнейший инструмент манипулирования [3. С. 15]. В том, что Г. Труман называл полицейской операцией — *police action*, никак не угадываются массивные налеты тяжелых бомбардировщиков на города Северной Кореи, а в технологическом по семантическому

облику выражению «сопутствующий ущерб» — *collateral damage* нет никакого указания на абсолютно целенаправленное уничтожение теми же тяжелыми бомбардировщиками населения вьетнамских деревень.

Политическим эвфемизмам для сохранения как минимум нейтрального оценочного потенциала необходим контекстуальный ореол официальной строгости и легитимация политическим авторитетом власти. Политические эвфемизмы создаются и работают в «тепличных» условиях тщательно подобранного лексического окружения, которое должно, помимо прочего, обеспечивать сохранение нейтрально-положительной оценочности, соответствующей жанру стилистической окраски и нередко отвлекать внимание от самого эвфемизма.

Отмеченные особенности функционирования политических эвфемизмов создают предпосылки для развития у них некоторых специфических свойств, своеобразной способности к инициированию или ускорению социокультурных процессов, моделируемых по схеме, заданной логикой изобретенного эвфемизма. Пожалуй, в наиболее показательном виде такие эффекты проявляются в политических эвфемизмах, создаваемых в русле культурно-идеологической матрицы, получившей название политической корректности.

Политкорректность как культурный процесс обладает концептуальной специфичностью, которая дает основания считать ее во многом новым явлением в эволюции политического дискурса. Политкорректность явно не сводится ни к простому усилению дипломатичности коммуникации, ни к формальному развитию языковой практики создания эвфемизмов. Сущность феномена политкорректности представляет собой причудливую смесь вынужденной реакции культуры на негативные следствия дефектов социальной системы и одновременно политический инструмент, спроектированный как стратегически ориентированная манипулятивная технология. Понятия прав человека и свободы от дискриминации, инкорпорированные в концептуальное ядро политической корректности, являются по совместительству элементами манипулятивной схемы воздействия на массовое сознание. На такой «небескорыстный» статус этих понятий в реальном воплощении идейного содержания политкорректности нередко приходится ссылаться исследователям уже в дефиниции самого этого явления, как например: «Политическая корректность» представляет собой отраженную, в первую очередь в речевом поведении, современную

идеологию западной демократии, основывающуюся на концепции «справедливости» и, как следствие, достижения «равноправия» и «соблюдения прав человека» [2. С. 8]. Автор попутно указывает, что «политическая корректность» рассматривается рядом исследователей, например в США — историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, в Германии — этнологом Х.-П. Дюрром, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, а именно процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств.

С одной стороны, политкорректность возникает как идеологическое «лекарство» от застарелой социальной болезни расизма, последствия которой часто становятся угрозой для социального единства нации. Чернокожее население, потомки испаноязычных иммигрантов и некоторые другие этнические группы в результате многолетней дискриминации оказались дистанцированными от общегражданской культурной идентичности, во многом демонстративно противопоставляя себя англосаксонскому ядру американского общества. Социально-культурный изоляционизм этих групп приобрел характер сильного этнизирующего процесса, вполне способного привести к оформлению взрывоопасной социальной реактивности на инциденты, затрагивающие представителей этих групп. Случаи массовых протестов, возникающих как реакция на частные примеры неадекватного полицейского насилия по отношению к представителям чернокожего населения, стали регулярным явлением современных США.

С другой стороны, политкорректность, призванная погасить эти процессы, одновременно проявила себя как эффективный инструмент воздействия на коллективное сознание, поскольку открыла для общественного дискурса возможность не называть очень многие вещи своими именами. Кроме того, благодаря тесной увязке с понятиями прав человека политкорректность позволила весьма произвольно трактовать список этих прав соответственно актуальному политическому интересу.

Представляется, что именно в рамках этих новых возможностей политические эвфемизмы обрели способность к специфическому оформлению группового сознания. По аналогии с превращением афроамериканцев и испаноязычных в объединенную идеологией политкорректности значимую политическую силу, без помощи которой Америка

никогда не получила бы чернокожего президента, внутри американского общества последние 30 лет неизменно продолжают наращивать культурную и политическую целостность группы, ущемление прав которой имело несопоставимо меньший размах. Речь идет о представителях нетрадиционных гендерных ориентаций, которые на волне политкорректности получили беспрецедентный общественный и политический статус, абсолютно непропорциональный ни их численности, ни культурной содержательности их идей. В данном случае наряду с сопутствующими социальными факторами очевидным образом проявился необычный эффект обратной связи, возникший от внедрения в культурное пространство когнитивной модели определенного типа эвфемизмов.

В создании этого эффекта можно, по-видимому, выделить два аспекта. Во-первых, как уже было сказано, политический эвфемизм, запущенный в сферу массовой коммуникации, получает определенную легитимацию авторитетом власти и «облагораживающее» оценочно-ассоциативное контекстуальное окружение. Чернокожие американцы, в политкорректном эвфемизме *African-Americans* обрели понятие, которое благодаря этой легитимации эффективно реализовало объединяющую силу нового имени, став знаменем и лозунгом представителей группы. Публично и официально провозглашенное новое имя катализировало в общественном сознании чернокожего населения новую гражданскую интеграцию аналогично тому, как вброшенный в общественное сознание марксизмом новый термин *пролетариат* способствовал оформлению классовой идентичности рабочих в начале XX в.

Но очень быстро вслед за афроамериканцами возникли другие американцы, также получившие номинативное политкорректное «крещение» в дискурсе сначала политической, а потом и массовой коммуникации. *Gay, lesbian, bisexual, transsexual* и другие из жаргонно-разговорной и профессионально-медицинской сферы переместились на почетный статус единиц дискурса власти и СМИ. Возник и приобрел общеупотребительный статус интегрирующий термин *LGBT (lesbian, gay, bisexual and transgender) Americans*. Культурная легитимность нового обозначения усиливается авторитетом Организации Объединенных Наций, войдя в ее нормативные документы, обращения и уставы, в частности в проект Декларации Организации Объединенных Наций по вопросам сексуальной ориентации и гендерной иден-

тичности 2008 г. В очень показательном обращении Генерального Секретаря ООН от 7 марта 2012 г. содержится убежденное намерение главы ООН усматривать в ущемлении прав новой общности покушение на универсальные ценности Объединенных Наций: *To those who are lesbian, gay, bisexual or transgender, let me say: You are not alone. Your struggle for an end to violence and discrimination is a shared struggle. Any attack on you is an attack on the universal values the United Nations and I have sworn to defend and uphold* [9]. Новая общность неизменно получает поддержку и признание во всех без исключения областях общественной жизни, превратившись в социальную и политическую силу, которую никто не может себе позволить задеть неосторожной оценкой. Попытка Д. Трампа ограничить рост политического и социального влияния трансгендерных групп не в последнюю очередь сыграла роль в его поражении на выборах 2020 г. ЛГБТ-сообщество успело набрать вполне достаточный электоральный вес, чтобы не оставить без последствий даже довольно умеренные ограничения полученных при Б. Обаме свобод и привилегий: *Trump has barred transgender people from openly serving in the military, rolled back protections for trans students, flat-funded HIV/AIDS work globally...* [11].

Параллелизм номинативных конструкций *African Americans* и *LGBT Americans* уже на языковом уровне «объединяет в правах» многовековых жертв расовой дискриминации и представителей сексуальных меньшинств. Сильный оценочный эффект эвфемизмов политкорректности обусловлен специфическим концептуальным обрамлением, создающим новой единицы фрейм, имплицитно включающий сопутствующую семантику, связанную с понятиями прав человека и дискриминации. В политическом дискурсе тесное соседство эвфемистических имен новых американцев со словом *discrimination* является жанровой нормой: *...it will be illegal for any of the insurance companies who offer coverage through the Marketplace to discriminate on the basis of sexual orientation or gender identity. We've also taken action to strengthen the civil rights provision in the law, by clarifying that the new law's prohibition on sex discrimination includes discrimination based on sex stereotyping, and on gender identity* [10]. Следует отметить, что особенно быстрый взлет социальной актуальности гендерных меньшинств произошел именно в период президентства Б. Обамы, которому и принадлежит вышеприведенная цитата. Для

Б. Обама значительную часть политического веса обеспечили как раз меньшинства — прежде всего этнические. Ставка на социальную дискриминацию оказалась столь перспективной, что Б. Обама использовал прекрасную возможность получить мощную поддержку и ЛГБТ-сообществ, созданных по модели дискриминируемых этнических меньшинств.

Но, пожалуй, самое большое когнитивное подкрепление эвфемизмы, подобные *LGBT Americans*, получают от сопряжения с понятием прав человека. Наиболее яркое выражение это сопряжение понятий получает в текстах организации Движения по правам человека *Human rights campaign*, в названии которого не находят нужным упомянуть, что речь идет о притязаниях этой, весьма специфичной категории населения. Уже таким образом дается понять, что этот вопрос должен рассматриваться в контексте универсальных прав человека вообще. Декларация движения гласит: *As the largest civil rights organization working to achieve equality for lesbian, gay, bisexual and transgender Americans, the Human Rights Campaign represents a force of more than 1.5 million members and supporters nationwide — all committed to making HRC's vision a reality. Founded in 1980, HRC advocates on behalf of LGBT Americans, mobilizes grassroots actions in diverse communities, invests strategically to elect fair-minded individuals to office and educates the public about LGBT issues* [8].

Когда идеи меньшинства, ранее не претендовавшие на что-то большее, чем просто психоло-

гическая особенность индивидуального поведения, получают смысловую корреляцию с понятием прав человека, они приобретают абсолютно другой концептуальный статус. Теперь это уже не частная особенность, с которой общество может мириться, ограничивая ее проявления силой общекультурных моральных норм, разделяемых большинством ее представителей. Особенность, получившая закрепленный публичным дискурсом статус прав человека, предполагает то, что теперь она находится на одном уровне с этими культурными моральными нормами и сама является моральной нормой. Последнее дает ей право от своего имени провозглашать новые этические ценности и требовать их общественного признания, что, собственно, и подразумевает фраза *educates the public about LGBT issues* из текста приведенной выше декларации. Эвфемизм, реализовав потенциал входящих в его концептуальную модель смыслов социального равенства и прав человека, тем самым наделяет самосознание новой общности авторитетом этического императива.

Эволюция политической эвфемизации в русле актуальных культурных тенденций, в частности политкорректности, позволяет утверждать, что мы имеем дело с новым культурно-языковым явлением, благодаря которому политический эвфемизм становится когнитивной силой, способной конструировать новую социально-культурную реальность.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Совет. энцикл., 1966. 608 с.
2. Базылев В. Н. Языковые императивы политической корректности // Политическая лингвистика. 2007. № 3. С. 8—10.
3. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 15—20.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994. № 1—2. С. 28—49.
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 384—408.
6. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 101—114.
7. Holder R. W. How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms. Oxford University Press, 2002.
8. <http://www.hrc.org/>
9. <https://www.un.org/press/en/2012/sgsm14145.doc.htm>
10. <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/17/obamacare-and-lgbt-health-1>
11. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/10/10/trump-has-gutted-lgbtq-rights-biden-presidency-might-undo-damage/3608929001/>.

Сведения об авторах

Погорелко Александр Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, Уфа. Россия. Pogorelkoam@rambler.ru

Герасина Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа. Россия. magnolia-avenue@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 1 (447). *Philology Sciences. Iss. 123. Pp. 133—138.*

POLITICAL EUPHEMIZATION AS CULTURAL AND SOCIAL PHENOMENON

A. M. Pogorelko

Bashkir State University, Ufa, Russia. pogorelkoam@rambler.ru

T. N. Gerasina

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. magnolia-avenue@rambler.ru

The article deals with the problem of political euphemization regarded through the ideological content and functional influence of political correctness. The latter is considered as a means of creating new semantic capacities of political euphemisms. Thus, such units turn to be more effective tools of mass manipulation by virtue of specific ideological elements enclosed into the discourse of political correctness. On the other hand, politically correct neologisms acquire socially and culturally significant effects of creating ethnic-like integrity of social groups that are formed both in the field of collective perception in social reality. Such kind of new cognitive identity happens to be a specific sign of contemporary political culture, stable in its influence on society and hardly helpful with respect to initial aims of political correctness in general.

Keywords: *political euphemisms, political correctness, political discourse.*

References

1. Akhmanova O. S. (1966) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic terms dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia. 608 p. [in Russ.].
2. Bazylev V. N. (2007) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3, pp. 8—10 [in Russ.].
3. Belyaeva I. V., Kulikova E. G. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (160), pp. 15—20 [in Russ.].
4. Krysin L. P. (1994) *Rusistika*, no. 1—2, pp. 28—49 [in Russ.].
5. Krysin L. P. (1996) Evfemizmy v sovremennoj russkoj rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. *Russkij yazyk konca XX stoletiya* [The Russian language at the end of XX century]. Moscow, Russian culture languages. Pp. 384—408 [in Russ.].
6. Larin B. A. (1977) Ob evfemizmah [About euphemisms]. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [Russian language history and general linguistics]. Moscow. Pp. 101—114 [in Russ.].
7. Holder R. W. (2002) How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms. Oxford University Press.
8. <http://www.hrc.org/>
9. <https://www.un.org/press/en/2012/sgsm14145.doc.htm>
10. <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/09/17/obamacare-and-lgbt-health-1>
11. <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2020/10/10/trump-has-gutted-lgbtq-rights-biden-presidency-might-undo-damage/3608929001/>